

УДК 82

**КРИЗИС ОСНОВНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОТОКОВ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 2-й ПОЛОВИНЫ 80–90-х гг. XX ВЕКА**

© 2013 г.

С.И. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2013

Рассматривается кризис основных литературных потоков, сложившихся в 60-е – 1-й половине 80-х гг. XX века: «официоза», «новомировского» литературного направления, деревенской прозы, военной прозы и поэзии. Анализируются причины и формы проявления кризиса. Рассматриваются также «возвращенная литература», ее общественная роль и место в литературном процессе.

Ключевые слова: литературный поток, литературное направление, кризис, причины и формы проявления кризиса.

«Перестройка» вызвала кризис и распад всех основных литературных направлений и течений «доперестроечной» поры, развивавшихся на протяжении по крайней мере двух с половиной десятилетий: 60-х, 70-х, первой половины 80-х годов XX века. Причины есть и **общие** для всех этих течений, и **особые** для каждого из них. **Общие:** отказ от прежних ценностей, казавшихся прочными и незыблемыми, а также относительная **свобода слова**, хотя и в виде достаточно узко направленной и управляемой «прорабами перестройки» «гласности». Но есть и **особые**, внутрилитературные причины, разные для различных направлений.

Кризис и распад «официоза». Литературный официоз 60–80-х годов, упорно державшийся законсервированного еще в 30-е гг. соцреалистического канона, выродился в так называемую секретарскую литературу. Кризис идеологии моментально уничтожил её. Правда, и сейчас еще произведения А. Иванова, П. Прокурина и др. продолжают переиздаваться, а сериалы по их романам, фильмы типа «Кубанских казаков» не сходят с телевизионных экранов, кочуя с канала на канал. Это ностальгическая советская альтернатива зарубежным «мыльным операм», а теперь и отечественным сериалам, сделанным по голливудским канонам.

Кризис «новомировского» литературного потока. В начале «перестройки» представители «новомировского» направления и идеологически близких к нему течений (например, «эстрадной поэзии», а также диссидентского самиздата), необычайно активизировались. И не случайно: казалось бы, пришло наконец-то их время – восторжествовали те принципы, за которые они боролись. И у руля страны оказались «шестидесятники» либерального и неолиберального

толка. Эти люди контролировали теперь почти всю печать, радио, телевидение. Основные литературные журналы и газеты были переданы под их контроль А.Н. Яковлевым, отвечавшим в горбачёвском ЦК КПСС за идеологию. Публикация и современных литературных «бестселлеров», и «возвращенной» литературы зависела теперь от них, и потому порядок «возвращения» (так сказать, новая литературная «очередь») определялся ими. Сначала пошли в печать «Дети Арбата», «Зубр», «Белые одежды», «Ночевала тучка золотая», потом Домбровский, Гроссман и т.п., потом – Солженицын, эмигрантская литература, а уж в самую последнюю очередь – А. Зиновьев. От бывшего «новомировского» лагеря ждали новых литературных шедевров: уж если в условиях цензурного гнёта, душачей несвободы «застоя» они сумели создать значительную литературу, то в эпоху наступившей «гласности», которой они прежде всего и добились, перед ними, казалось бы, блестящие перспективы. Но ничего подобного не произошло. Все успехи «новомировского» крыла ограничились в основном публикацией ранее (еще в 60–70-е гг.) написанных, но не напечатанных в своё время литературных произведений. А ничего заметного, созданного в период «перестройки» и позже, тем более на современном материале, так и не появилось. «Новомировское» направление неожиданно для всех, и в первую очередь для писателей, принадлежавших к нему самому, оказалось в явном кризисе. Причин здесь две.

ПЕРВАЯ. «Новомировскую» литературу убила **гласность**. Свобода слова, даже относительная, сделала ее ненужной. И дело не только в идеях. Идеи-то (в том числе на первых порах и лозунг: «Социализм с человеческим лицом»), и

сахаровская идея «конвергенции», и требование прав человека, а затем и либеральные лозунги рыночной экономики и свободы слова) оказались как раз востребованными, были в духе времени.

Тем не менее лишилась внутренней опоры сама эстетика этого направления. Им была выработана на протяжении многих лет, в жестокой борьбе с цензурой, целая система художественных средств и приемов, основанных на **иносказании, эзоповом языке** намеков, аллюзий, понятных тем, кому близки были «новомировские» идеалы, кто умел читать «между строк». И это была действительно художественная система, настоящий и плодотворный язык искусства.

Но когда стало возможно почти обо всем говорить **открыто**, эта художественная система стала ненужной и очень быстро обрушилась. За «новомировские» идеи не надо было больше бороться, они стали предметом официальной пропаганды, а это уже совсем другая «поэтика».

Между прочим, небезызвестный маркиз де Кюстин, автор знаменитой книги о путешествии по России в 1839 г., рассуждая о расцвете культуры в нашей стране, задавленной гнетом царской цензуры, писал: «Нет поэтов более несчастных, чем те, кому суждено прозябать в условиях широчайшей гласности, ибо когда всякий может говорить о чём угодно, поэту остается только молчать» [1, с. 430]. «Искусство живёт принуждением и умирает от свободы», – писал Андре Жид. Очень многие авторы, включая Андрея Тарковского, высказывали подобные мысли. Похоже, что судьбы русской литературы подтверждают эти суждения. Тоталитарные 30-е годы дали в литературе недостижимые художественные шедевры: «Тихий Дон», «Жизнь Клима Самгина», «Егор Булычов и другие», «Мастер и Маргарита», «Хожение по мукам», «Петр I», «Сокровенный человек» – это все оттуда, «из-под глыб», из мрака «тоталитарной несвободы», это было создано в обстановке репрессий, в том числе и по отношению к писателям. «Какие произведения, созданные в постперестроечные годы, мы могли бы поставить рядом...?» [2, с. 4]. Действительно, нынешняя свобода и либеральные идеи – что они дали в искусстве? Что угодно, только не шедевры. Один из современных «иронистов» Вячеслав Пьецух однажды поглядел вокруг себя и удивился: «Даже всемогущие большевики, которые умудрились внести свои коррективы в движение земли вокруг Солнца, не смогли отменить художественную литературу, а при либералах она отменилась сама собой» [3, с. 239].

А что касается реалий исторической жизни и судеб искусства в условиях свободы и несвобо-

ды, то об этом афористически сказано в велико-лепных оксюморонах еще поэтом Серебряного века Георгием Ивановым:

И вперемешку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.

ВТОРАЯ причина кризиса и распада «новомировского» литературного потока заключается в том, что теперь это направление превратилось из оппозиции в **официоз**. Оно заняло место прежней «секретарской литературы», стало литературно-идеологической службой власти – сначала горбачевской, затем ельцинской, теперь путинской. Для художественной системы, которая была «по определению» оппозиционной, такая перемена общественной роли оказалась поистине катастрофической. «Шестидесятники» быстро утратили ведущее место в литературном процессе, затоптанные более молодыми, агрессивными собратьями по перу. Одна из постперестроечных поэтических деклараций начинается строчкой «Мы обнаглевшие подонки...», а заканчивается четверостишием:

Мы гениальные поэты,
Мы ничего не станем ждать,
Мы купим злые пистолеты
И будем нагло убивать [4].

Подобные «поэты» быстро распространили в писательских кругах убеждение, что литература не должна заниматься ничем, кроме самой себя.

А ведь все «новомировцы» привыкли решать серьезные социальные и нравственные вопросы. Они были уверены, что «поэт в России – больше, чем поэт». Для того и сформировали свою эстетику и поэтику, мощную и результативную для литературы такого рода. А теперь поэт в России в большинстве случаев либо просто стихоплёт, либо автор «проектов», приносящих деньги и только деньги. Он автор литературных «бизнес-проектов», осуществляющихся с применением «пиара», рекламной «раскрутки», «маркетинга» и т. п. «рыночных» методов, приносящих деньги. Л. Сараскина утверждает: «Сегодня литературный процесс организуется премиальным процессом» [5, с. 8]. Один из бывших критиков-шестидесятников, Андрей Нуйкин, прочел новейшие подборки былого кумира «шестидесятников» Андрея Вознесенского и изумился: «Бог мой! Такая витиеватая пустота!» [6, с. 11].

Кризис деревенской прозы. Судьба этого литературного потока совершенно иная. Он был в оппозиции к системе все годы хрущевской оттепели и брежневского застоя. И когда грянула перестройка, когда к власти пришло соперничавшее с ним крыло «либерально-демократической», западнической оппозиции

«новомировского» толка, то деревенская проза осталась в оппозиции и к новой власти, к тем **антиценностям**, которые начали внедряться в общественное сознание этой властью и ее литературной «обслужкой». Лишь немногие писатели из его состава солидаризировались с властью, и то не сразу (В. Астафьев). Остальные, в том числе самые яркие и крупные таланты, оставшиеся из этого литературного крыла к тому времени в живых, такие как В. Распутин, В. Белов, В. Крупин, В. Личутин, Л. Бородин и др., ушли в оппозицию к новой власти и режиму, считая их враждебными для России. Но все равно как литературное направление к началу перестройки деревенская проза тоже оказалась в глубочайшем кризисе. Однако причина здесь совсем иная, чем в случае с «новомировским» направлением.

Кризис развился в деревенской прозе на её **собственной** почве, в связи с исчерпанностью того **идеала**, который формировался в ней начиная с 60-х годов и опирался не на образ светлого будущего, а на ценности прошлого. Надежда на сохранение менталитета старой, патриархальной деревни, возникшая в 60-е годы, быстро растаяла. Уже в 70-е годы эту надежду сменили тревога, боль, возник гнетущий вопрос: «Что же с нами происходит?». А в начале 80-х гг. писателей этого направления охватило отчаяние, связанное с потерей всякой надежды на осуществления идеала. Его переориентация в прошлое оказалась такой же утопией, как прежняя вера в идеал будущего социализма.

Отсюда – апокалиптические мотивы в произведениях предперестроечных и первых перестроечных лет, таких как «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» и «Людочка» В. Астафьева, «Все впереди» В. Белова, «Прощай, Россия, встретимся в раю» В. Крупина. Последняя надежда – на религиозные православные ценности. Этот мотив открыто звучал во всех названных выше произведениях, хотя скрытая религиозность, так сказать, неумышленная мысль о Боге, присутствовала в лучших произведениях деревенской прозы и в 60–70-е годы (в солженицынской Матроне, в Дарье из «Прощания с Матерой», в Настёне из повести «Живи и помни» В. Распутина), и это было художественно гораздо более весомо. Так что апелляция к религии для деревенской прозы вполне органична.

В эпоху рубежа веков появились произведения писателей этого направления, отличающиеся высокой художественностью и оппозиционные по своему духу к сложившейся социальной системе (например, рассказ «В ту же землю» или повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» В. Рас-

путина, рассказы и повести В. Белова, В. Личутина, В. Крупина, Л. Бородина). Но деревенская проза как литературное **направление** осталась в 60–80-х гг. XX века, хотя творчество лучших её представителей стало классикой, признанной во всем мире.

Кризис военной прозы. Сама жизнь решила вопрос о прочности всех тех опор, которые выдвигали разные течения литературы 60–70-х годов в качестве идеала. Когда начались в 80-е гг. перестройка и гласность, все эти опоры были испытаны на прочность, и ни одна не выдержала испытаний. В конце 80-х – начале 90-х гг. произошел **распад** и массива военной прозы – одного из самых значительных и плодотворных литературных потоков второй половины XX века. На это были причины различного рода.

Распад «фронтового братства». Кризис военной темы наметился уже в конце 70-х гг.: стали возникать **сомнения** в прочности идеала военной поры. Они отчетливо выразились в трилогии Бондарева, особенно в романе «Выбор», в стихах Сергея Орлова и др. Основная причина кризиса: в условиях современного литературного и идеологического раскола распалось «братство фронтовое», которое раньше удерживало военную прозу в единстве, как нечто целое, хотя писатели этого литературного потока тяготели кто к «официозу», кто к «новомировскому», кто к «деревенскому» крылу духовной оппозиции 60–80-х годов.

Разочарование «детей войны». Очень остро реагировали на возрастающую бездуховность общества, на разъединение людей поэты из поколения «детей войны», для которых военное время оставалось в памяти как идеальное время общего братства. Для них, не воевавших, переживших войну в детстве, это время, пожалуй, было еще более святым, чем для их воевавших отцов. Это очень отчетливо выразилось в лирике В. Высоцкого. «Мы тоже дети страшных лет России, / Безвременье вливало водку в нас», – писал он о своей **современности**, о 70-х годах, а его **военные** песни всегда звучали как героическая **альтернатива** сегодняшней прозе жизни. Сходное мироощущение выразилось в стихах другого поэта, ровесника Высоцкого, – Аркадия Кутилова¹:

Лишь пулеметы откосили,
Победу справила Москва, –
Бог отвернулся от России
И смотрит вдаль, на острова...
Там негры воют: «Боже, тонем!..
Спаси от тысячи смертей!..»
А мы – родителей хороним
И скучно делаем детей.
Сапожный нож летит мне в руки,

По-древнекиевски звеня!..
 В безбожье, серости и скуке
 Я ем тебя. Ты ешь меня.
 Работа, пьянка и эстрада
 (станок – сивуха – «Песняры»)...

Войну бы надо! Горе надо!

И хлеб из липовой коры...

Пусть вновь «Катюша» запоется,

Пусть нищий вьется у крыльца,

Пусть тятка с фронта не вернется, –

Вернется Бог – взамен отца.

(Выделено мною. – С.С.)

Ничего подобного в литературе не приходилось еще встречать. Все послевоенные годы люди жили с одним и тем же страстным желанием: «Только бы не было войны!». А здесь такой протестный крик: «Войну бы надо!» – чтобы вернулось то духовное состояние, которое объединяло людей в страшные годы.

Трагедия фронтовиков. Есть у Александра Межирова одно стихотворение, в котором очень сильное выражение нашло духовное состояние людей на войне:

Какая музыка была!

Какая музыка играла,

Когда и души и тела

Война проклятая попраля.

И через всю страну струна

Натянутая трепетала,

Когда проклятая война

И души, и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд

Одной-единой страсти ради

На полустанке инвалид

И Шостакович в Ленинграде.

«Одна струна», «одна страсть»... И вот эта струна лопнула. Фронтовое братство распалось. С началом перестройки фронтовики разошлись по разные стороны баррикад. Совсем недавно Василь Быков говорил: «Все мы вышли из бондаревских “Батальонов”». А с конца 80-х Быков и Бондарев – враги. Астафьев и Богомолов – враги. Быков, Астафьев, Окуджава усомнились в величии Великой Отечественной. А в 1993 г. с расстрелом парламента пути бывших фронтовиков разошлись окончательно. Булат Окуджава заявил в интервью, что он «наслаждался» этими событиями, что для него это зрелище на экране телевизора было «финалом великолепного детектива» [7]. А вот Вячеслав Кондратьев тогда застрелился из пистолета, принесенного еще с фронта. Одни восприняли происходившее в 90-е гг. как **обновление** России, другие – как ее окончательное **уничтожение**. Многие почувствовали себя растоптанными и оплеванными. Об этом написал, например, А. Межиров:

Что ты плачешь, старая развалина?

Где она, священная твоя

Вера в революцию и в Сталина,

В классовую сущность бытия.

Шли, сопровождаемые взрывами,

По своей и по чужой вине...

О, какими были б мы счастливыми,

Если б нас убили на войне!

Со второй половины 80-х годов активно начали действовать факторы, изменившие в сознании общества **статус** литературы о войне, причем факторы двоякого рода: как внелитературные, так и внутрилитературные.

Внелитературные факторы кризиса военной темы. Война стала главным объектом нападков новой пропаганды, не только антикоммунистической, но и антироссийской.

Очень большое впечатление произвели в свое время публицистические выступления В. Астафьева, провоевавшего 1.5 года телефонистом в штабе артиллерийского дивизиона. Его главный тезис: «Победа такой ценой – поражение». Отсюда выводы: не надо было защищать Ленинград, штурмовать Берлин. Главные инструменты «победы» – штрафбаты и заградотряды. Это была не победа, а бойня. Никакого полководческого мастерства не было и в помине, немцев побили только потому, что завалили их своими трупами, залили своей кровью и т.п. На всех военных картах против 5–6 красных стрелок, обозначающих наши войска, всего 1–2 синих – немецких (фронтовики-офицеры просто остолбенели от таких «неточностей»: ведь стрелки на картах обозначают не количество войск, а направления ударов).

Особенно педалируется самый болезненный – национальный – момент: «геноцид наций», под которым имеется в виду депортация чеченцев и ингушей, крымских татар, поволжских немцев во время войны. Здесь очень большую роль сыграла публикация повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» с ее чрезвычайно сильным эмоциональным зарядом. Однако депортацию тех или иных национальных общин не Сталин изобрел. Во время Первой мировой войны жившие в России немцы были высланы из прифронтовой полосы и даже из Приазовья. Более 1 миллиона евреев было вывезено тогда из западных районов страны в Поволжье. Более 100.000 человек переселено из Прибалтики на Алтай. В 1941 г., после нападения Японии на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор на Гавайях, все проживавшие в США японцы были даже не депортированы, а заключены в концлагеря. О причинах и характере сталинских депортаций можно прочитать в книге С. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» [8], где дана совершенно иная трактовка и фактологическая аргументация этих акций, чем в официальной публицистике.

Особую актуальность приобрела в конце 80-х – 90-е гг. **тема предательства** благодаря массивному даже не оправданию, а воспеванию измены, предательства, ренегатства². Чьи имена прославились назойливой пропагандой СМИ? Перекрасившегося в «демократа» бывшего главного партийного идеолога А. Яковлева. Уехавшего в США и сдавшего там ЦРУ нашу разведывательную резидентуру генерала КГБ Калугина. Сбежавших в свое время на Запад разведчиков ГРУ Резуна и Гордиевского. И – ключевая, знаковая фигура – генерал Власов, из которого целенаправленно стали создавать чуть ли не национального героя. По словам Александра Зиновьева, «предательство приняло грандиозные масштабы», «Россия по производству предателей побила все рекорды» [9, с. 355–356].

Большую роль в этом сыграли многократная публикация, широкое распространение и пропагандистское внедрение книги В. Суворова «Ледокол», в которой нападение Гитлера на СССР рассматривается как превентивная мера, предпринятая для предупреждения якобы планировавшегося Сталиным нападения на Германию. Оценки «Ледокола» были полярными даже в антисоветском лагере: для Татьяны Ивановой (представительницы либерально-демократической публицистики) это «великая книга», для Владимира Максимова (писателя-эмигранта, антикоммуниста) – «омерзительная книга».

Внутрилитературные факторы кризиса военной темы. Здесь сыграла свою роль предпринятая пропагандой попытка разрушения «пантеона» символов Великой Отечественной войны. В перестроечной и постперестроечной печати было множество сенсационных «разоблачений», касавшихся прототипов некоторых известных литературных героев: молодого гвардейцев, Алексея Маресьева, Александра Матросова, Зои Космодемьянской и др. Часто это было откровенно подлое очернение, особенно Зои. В книге «История СССР в анекдотах» напечатали такой омерзительный анекдот-загадку: «На веревке болтается, на «З» называется» – с приведенной тут же разгадкой: «Зоя Космодемьянская» [10]. Во всех такого рода «разоблачениях» отчетливо обнаруживается – с собственно литературной точки зрения – непрофессиональный подход. Для их организаторов и авторов совершенно незначимым является факт, что прототип и герой литературного произведения – понятия отнюдь не синонимичные. Даже если бы прототипы литературных героев в жизни были не во всем идеальны, для оценки литературных персонажей это было бы безразлично.

Впрочем, этот подход разрушителей символов может быть признан и вполне профессио-

нальным – это смотря с какой точки зрения оценивать и какую цель «разоблачений» иметь в виду. Их инициаторы и авторы ведь не о литературе думали, а о том, как **изменить сознание людей**. Профессор С. Кара-Мурза пишет в своей книге «Манипуляция сознанием», что, когда он читал в Бразилии обществу психологов лекцию «Технология разрушения образов в ходе перестройки», особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской: «Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чем суть её подвига? А потом объяснили, почему **именно её образ** нужно было испоганить – ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была **мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха** (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно её выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И её образ, отделившись от реальной биографии, стал символом, одной из опор народного самосознания» [11, с. 531–532]. Те, кто глумился над образом Зои, стремились подрубить опору национальной морали и культуры. Так что цель выбрана была не случайно, а вполне точно, профессионально, даже научно, притом крайне цинично и безнравственно.

«Возвращённая литература», её общественная роль. Внешне литература второй половины 80-х – начала 90-х годов производит впечатление одного из самых полнокровных, богатых, если не самого богатого периода развития литературы XX века. В течение всего нескольких лет читатель получил огромное количество значительных произведений, созданных на протяжении всего XX века и ранее не входивших в круг чтения.

«Возвращенная литература» сыграла перво-степенную роль в крушении системы, идеологии. По ним был нанесен концентрированный удар огромной силы. Воздействие на читательское сознание было невероятно сильным. Литература (не только она, конечно, но в очень значительной степени и она) опрокинула систему. Когда-то, в 60-е годы, А. Солженицын в романе «В круге первом» пророчески написал: «Слово разрушит бетон». Слово и разрушило бетон системы. Власть, не допуская к читателю эту литературу, сама подготовила против себя оружие невероятной силы, бомбу замедленного действия огромной мощности. И вот эта бомба взорвалась.

Один из главных массивов «возвращенной литературы» составила эмигрантская литература – иная по идеологическому знаку, чем лите-

ратура «советская», хотя не выше её по художественному качеству³.

Эмигрантская литература первой принесла в изобилии то, что в нашей литературе и в XIX, и в XX в. было табуировано – не по политическим, а по этическим и эстетическим соображениям: изображение секса и использование мата. Отличились на этом поприще Юз Алешковский, Войнович, Синявский, Аксенов и т. д. А в России – особенно те, кто назвал себя «постмодернистами»: Виктор Ерофеев, В. Сорокин и многие другие любители «цветов зла». Один из критиков «либерального» лагеря, эмигрант А. Генис, написал авторитетно и директивно: «Непристойность и дурной вкус – сегодня одно из священных прав человека» [13, с. 215]. Как будто в применении «ненормативной лексики» есть что-то новое. Ведь в русской литературе была и острая эротика, были и такие вещи, как поэзия Баркова, даже и в фольклоре были «заветные сказки», собранные и изданные в свое время А. Афанасьевым. Но все это ведь не случайно носило название «непечатной» литературы: оно и не предназначалось для печати, бытовало в других формах. Сами матерные слова назывались «непечатными». Это очень точное слово, гораздо лучше выражающее суть лингвистического явления, чем наукообразный термин «ненормативная лексика», потому что и в матершине есть свои «нормы».

Если долгожданная свобода дала только такие плоды, как право на эмиграцию, на использование мата и на свободное описание технологии полового акта (а теперь это обязательный атрибут «либеральной» литературы, как когда-то описание технологии производственного процесса в «производственном романе»), то стоило ли ломать копья? Поэты из оппозиционного лагеря откликнулись на эти новации резко негативно:

Нам демократия дала
Свободу матерного слова,
И нам не надобно другого,
Чтобы воспеть её дела [14].

Трудно сказать, как пойдёт дальнейшее развитие литературного процесса. Пока очевидно одно: пресловутая «тоталитарная несвобода» дала очень большую, значительную литературу, а сегодняшняя безграничная свобода не только не дала ничего равнозначного, но резко снизила уровень культуры, практически растворившейся в масскульте.

Примечания

1. Аркадий Кутилов – поэт безвестный, при жизни не напечатавший ни одной книги, погибший бук-

вально «под забором», до этого «грубо и зримо» предсказавший свою смерть в четверостишии:

Меня убили. Мозг втоптали в грязь.
И вот я стал обыкновенный «жмурик».
Моя душа, паскудно матерясь,
Сидит на мне. Сидит и, падла, курит!..

Летом 1985 года в одном из центральных скверов г. Омска был обнаружен труп бродяги с размозженной головой, в рваной одежде. Труп был опознан, но никем не востребован. Это был Аркадий Кутилов. Его похоронили как бомжа, и место его захоронения до сих пор никому не известно. Потом были найдены его стихи, написанные на клочках бумаги и спрятанные в наволочки, впоследствии их издали.

2. В годы после первой русской революции русское общество охватило аналогичное поветрие. Поэт Рославлев написал тогда стихотворение, прославлявшее Иуду. Леонид Андреев написал своего «Иуду Искариота». По этому поводу в «Жизни Клима Самгина» сказано: «Предатель становится героем». История повторяется.

3. В 90-е гг. и позже кризисные явления наблюдаются и в «антисоветской» литературе эмиграции. Как пример можно привести писательскую судьбу В. Аксенова. По словам В. Бондаренко, «В. Аксенов просто сбежал из своей Америки, в которой его наконец перестали где-либо печатать. Но он не сумел вернуться и в постсоветский литературный период в России. О своем тупике он и написал в “Кесаревом сечении”» [12, с. 7].

Список литературы

1. Альфред де Кюстин. Россия в 1839 г. В 2 т. Т. 1. М. Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
2. Бузни Е. Затхлый колодец // Советская Россия. 2003. № 23. С. 4.
3. Пьецух В. Ответ на анкету «Буржуазность – что такое?» // Новый мир. 1998. № 10. С. 239–243.
4. Витухновская Алина. Злые пистолеты // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://modern-poetry.ru/main/alina-vituhnovskaya-stihotvoreniya>
5. Сараскина Л. Выступление в дискуссии в институте философии РАН на тему: «Литература и общество. Куда делись «властители дум» и «инженеры человеческих душ?» // Литературная газета. 2002. № 43. С. 8.
6. Нуйкин А. Где вы, бойкие задиры? // Литературная газета. 2002. № 11–12.
7. Интервью с Б. Окуджавой // Подмосковье. Октябрь. 2003. С. 56–57.
8. Кара-Мурза С. Советская цивилизация: В 2 кн. М.: Алгоритм, 2002. Кн. I. 328 с.
9. Зиновьев А. Русский эксперимент. М.: Наш дом, 1995. 446 с.
10. История СССР в анекдотах. Рига: Эверест, 1991, 321 с.
11. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 832 с.
12. Бондаренко В. Вертикальный взлет // Завтра. № 46 (ноябрь 2005) С. 7–9.
13. Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. М.: Независимая газета, 1997. 256 с.
14. Нам демократия дала свободу матерного слова // Форум для общения Ido.su \ Ido/su > 42967. html

**THE CRISIS OF THE MAIN LITERARY CURRENTS IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE LATE 1980S AND 1990s**

S.I. Sukhikh

The author analyses the crisis of the main literary currents that arose in the 1960s through the early 1980s, such as the «ofitsioz», the «Novy Mir» movement, as well as the «village prose» and the «war» prose and poetry. The article explores the reasons for the literary crisis and its various forms. The author also considers the «regained» literature, and its social role and place in the literary process.

Keywords: literary current, literary movement, crisis, reasons for crisis and its forms.